

УДК 81-119
DOI 10.17223/18137083/68/21

С. С. Медведев, А. Г. Фомин

Кемеровский государственный университет

К вопросу о статусе межъязыкового каламбура

Проводится обзор работ, посвященных межъязыковым каламбурам. Разграничиваются понятия «межъязыковой» и «билингвальный» как гипероним – гипоним. Для отобранных межъязыковых каламбуров в составе интернет-мемов сайта 9gag.com используется классификация В. П. Москвина, чтобы выявить неучтенные характеристики: базовый язык каламбура, языковую маркированность, графический и фонетический диаморф, количество взаимодействующих языков, смешанную графическую систему, наличие бленда.

Ключевые слова: каламбур, межъязыковой каламбур, омонимия, паронимазия, игра слов, креолизация.

Феномену каламбура посвящено немало работ, как отечественных (А. А. Щербина, Г. Ф. Рахимкулова, А. М. Люксембург, В. З. Санников, Н. Д. Арутюнова, Т. А. Гридина, Н. Н. Розанова, Е. Ф. Болдарева, О. Ю. Коновалова), так и зарубежных (J. Lokrantz, H. Cox, R. Callois, M. Lederer) исследователей. Так, в самом общем виде под каламбуром принято понимать «остроумное выражение, в основе которого лежит игра на равнозвучии или близкочувии языковых единиц» [Москвин, 2011, с. 35].

Согласно А. С. Джанумову, функционирование каламбуров обусловлено «двойной диалектической связью: между элементами различных уровней языковых систем, а именно между семантическим, фонетическим и графическим в их единстве и различии, с одной стороны, и между двумя частями каламбура в их единстве и противопоставлении, с другой» [Джанумов, 1997, с. 14]. Под «двумя частями» понимаются два компонента, выделенные В. С. Виноградовым, каждый из которых представляет собой слово или словосочетание. Первый элемент является лексической базой каламбура, катализатором, начинающим игру

Медведев Сергей Сергеевич – аспирант Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; smedvedev08@mail.ru)

Фомин Андрей Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и лингвистики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (ул. Красная, 6, Кемерово, 650000, Россия; andfomin67@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 3
© С. С. Медведев, А. Г. Фомин, 2019

слов. Этот эталон всегда отвечает имеющимся орфографическим нормам языка и орфоэпическим канонам. Второй элемент конструкции – «перевертыш», результирующий компонент, который является вершиной, пиком каламбура. Комический эффект, таким образом, базируется на двойном понимании одного и того же языкового выражения: первоначально в сознании адресата актуализируется поверхностная семантика высказывания, и лишь затем, вследствие внезапной догадки или озарения, раскрывается глубинная, «замаскированная» составляющая высказывания [Виноградов, 2004, с. 60].

Одним из способов «маскировки» второго понимания сообщения является смешение языков в пределах одного высказывания для создания стилистической фигуры, известной как межъязыковая каламбур. Согласно Е. Я. Шмелевой, межъязыковая каламбур строится на столкновении двух сходно звучащих выражений, принадлежащих разным языкам, или, другими словами, данный прием можно назвать межъязыковой омонимией или паронимией [Шмелева, Шмелев, 2011, с. 783].

Разграничим ряд схожих терминов, которые зачастую ошибочно воспринимаются как взаимозаменяемые. Приведенное выше определение подразумевает тождество межъязыкового каламбура и межъязыковой паронимии (кроме того, в один и тот же синонимический ряд также добавляются ложные друзья переводчика или псевдоинтернационализмы), в то время как последняя является лишь средством создания первого, а не итоговым продуктом. Межъязыковой каламбур представляет собой именно высказывание, комплексную конфигурацию, дешифровка и анализ которой требует определенных когнитивных усилий.

Зарубежные исследователи, рассматривая данное явление, наиболее часто применяют термин «bilingual pun» («двухязычный/билингвальный каламбур»), реже – «interlingual pun» («межъязыковой/интерлингвальный каламбур»). Дирк Делабатиста отмечает, что возможность существования данной игры слов обусловлена сходством отдельных элементов фонетических систем, позволяя автору каламбура воспользоваться сегментным фонетическим сходством, и успешность каламбура зависит от умелости автора столкнуть два совершенно различных смысла, скрытых за практически идентичным звучанием, что позволяет принять билингвальную игру слов в качестве типа словесной игры [Delabatista, 1993, p. 155]. Себастьян Кноспе, рассматривая когнитивную модель англо-немецкой билингвальной игры слов, также выделяет именно омонимию и паронимию в качестве основы данного стилистического приема [Wordplay and Metalinguistic / Metadiscursive Reflection, 2015, p. 180]. Таким образом, для существования билингвальной игры слов необходима такая пара лексем, которая обладала бы почти или полностью идентичным написанием и фонетической оформленностью. Подобные межъязыковые пары в терминологии Эйенара Хаугена получили название «диаморфы», при этом элементы диаморфической пары могут не принадлежать одной и той же части речи [Haugen, 1950, p. 220].

Следует отметить, что термин «bilingual pun» нельзя назвать исчерпывающим и максимально точно описывающим природу данного стилистического приема, поскольку подобная формулировка предполагает столкновение двух языков в рамках синтагмы. Однако нельзя отрицать факт наличия подобных каламбуров, использующих одновременно лексемы трех и более языков. Так, в романе Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану» («Finnegans Wake») встречаются межъязыковые каламбуры на материале трех и более языков. Еще одним примером является первое предложение рассказа Кордвейнера Смита «The Dead Lady of Clown Town»: *Go back to An-fang, the Peace Square at An-fang, the Beginning Place at An-fang, where all things start* (кит. *An-fang* ‘площадь мира’ + англ. *Peace Square*

‘площадь мира’ + нем. *Anfang* ‘начало’ + англ. *Beginning Place* ‘место, площадь начала’) ¹ [Smith, 1993, p. 223].

Доминирование термина «bilingual pun», как нам кажется, обусловлено более широкой распространенностью каламбуров из двух языков. Однако термин «межъязыковой каламбур», встречавшийся в работах отечественных исследователей, видится исчерпывающим, релевантным материалу исследования. Для терминологической унификации каламбуры, использующие инструментарий одного языка, будут обозначены как одноязыковые.

Таким образом можно обобщить, что межъязыковой каламбур – это вид игры слов, строящийся на противопоставлении смыслов диаморфов, т. е. омонимов или паронимов двух и более языков: языка-основы и языка-донора. Языком-основой является язык высказывания, лексемы которого вступают во взаимодействие со словами из другого языка (донора). Иноязычные элементы могут использоваться как в первоизданном виде, так и претерпеть ряд визуальных изменений, таких как: измененная орфография, использование пунктуационных знаков, разлом первоначальной структуры, а также наличие металингвистических и метадискурсивных комментариев для того, чтобы характер взаимодействия был более эксплицитным и вследствие этого более простым для восприятия реципиентом.

В данной статье рассматриваются межъязыковые каламбуры, находящиеся в составе интернет-мемов, опубликованных на веб-сайте 9gag.com, одном из самых популярных архивов развлекательного контента сети Интернет.

Непосредственно сам термин «мем» был впервые употреблен оксфордским профессором, биологом Ричардом Докинзом в 1976 г. в книге «Эгоистичный ген». Дальнейшую разработку понятие получило в 1982 г. в его работе «Расширенный фенотип». Термин «мем» происходит от греческого μέμη ‘подобие’; согласно Докинзу, примерами мемов служат «мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [Докинз, 1993, с. 318].

Под мемом в данной статье, вслед за Ю. В. Шуриной, понимаются креолизованные тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной языковой и невербальной)», спонтанно распространяющиеся в среде, обслуживаемой информационными технологиями [Шурина, 2012, с. 162], непосредственно размещенное в сети Интернет изображение, содержащее, помимо известного, повторяющегося визуального компонента, вербальную составляющую. На данный момент мемы получили настолько широкое распространение в сети Интернет, что создается огромное количество сайтов и интернет-сообществ, посвященных их созданию и распространению, и суммарное количество мемов не поддается даже приблизительным подсчетам, превышая отметку в миллионы публикаций в день. Кроме того, мемы проникают в СМИ, рекламу, художественные произведения. Общий объем материала для проводимого исследования составил сто языковых единиц (межъязыковых каламбуров в интернет-мемах, т. е. один межъязыковой каламбур, обнаруженный в нескольких мемах, считается за одну языковую единицу), отобранных из массива 340 мемов с межъязыковыми каламбурами, что подтверждает репрезентативность проведенного исследования.

Целью исследования является изучение структурных особенностей межъязыковых каламбуров, обусловленных их полилингвальной природой. Для реализа-

¹ В статье используются следующие сокращения языков: **англ.** – английский; **исп.** – испанский; **кит.** – китайский; **нем.** – немецкий; **рус.** – русский; **фр.** – французский; **япон.** – японский.

ции поставленной цели авторы статьи используют классификацию видов каламбуров В. П. Москвина, основанную на тактиках их построения.

Москвин выделяет шесть тактик создания каламбуров.

1. Сближение слов, тождественных или сходных по форме, в частности:

а) омонимов либо лексико-семантических вариантов слова (антанаклаза). Данный прием является неприемлемым в контексте межъязыковых каламбуров, поскольку в этом случае совершенно невозможно говорить о лексико-семантических вариантах слова, так как для межъязыкового каламбура необходимо столкновение двух и более лексем из различных языков;

б) близкозвучных лексем, различающихся:

– одним звуком: *What happened to the Spanish Captain who said «Yes» too much? He got «Sí-sick»*. Каламбур построен на столкновении англ. *sea* (/si:/) ‘море’ и исп. *sí* (/si/) ‘да’); *A Spanish Magician. He said he could make himself disappear. He counted «uno, dos...» and he was gone. He disappeared without a Trés.* (англ. *trace* (/treis/) – ‘след’ и исп. *trés* (/tres/) ‘три’);

– порядком следования звуков (одни и те же фонемы, но в разном порядке). Москвин приводит следующий пример: *He рукопись, а куропись!* Межъязыковых каламбуров, построенных на основе данного приема, в нашей выборке обнаружено не было;

– ударением (парехеза). Как и в предыдущем случае, подобных межъязыковых каламбуров обнаружено не было;

в) созвучных слов (парономазия): *Здрасьте, у вас есть кочан капусты? – Нет, но у меня есть предложение получше. Берёте некочан? – Да.* Данный каламбур строится на созвучии русского слова *кочан* и японского *neko-chan* ‘кошкодевочка’. Креолизация также играет большую роль в создании юмористического эффекта: вербальная часть подкреплена изображением девочки с кошачьими ушами, показанной в стиле японской анимации – аниме.

2. Замена сходными по форме (то есть близкозвучными, однокоренными либо этимологически родственными) элементами:

а) части слова (параморфоза): *In queso emergency I pray to Cheesus* (сложная игра слов: исп. *queso* ‘сыр’ – англ. *case* ‘случай’ – англ. *cheese* ‘сыр’ – англ. *Jesus* ‘Иисус’; что примечательно, в данном случае происходит одновременно обычная параморфоза в рамках одного языка (*Jesus – Cheese*), которая затем сталкивается с межъязыковой игрой слов (*queso – case*), и впоследствии два каламбура в рамках одного предложения уже сопоставляются друг с другом, создавая комический эффект); *Let's negi-otiate* (англ. *negotiate* ‘проводить переговоры’ и япон. *negi* ‘лук-порей’). Невербальный компонент (изображение человека, держащего в руках лук, упрощает понимание каламбура); *Have a terre-iffic day* (англ. *terrific* ‘потрясающий’ и фр. *terre* ‘земля’). Имеется креолизация – изображение земного шара). Примечательно, что данная тактика, приводящая к образованию неологизмов, является самой продуктивной, основываясь на материале, отобранном для исследования;

б) слова (паронимическая аллюзия). Данный прием подразумевает использование преимущественно однокоренных слов с нарушением их узуса, что и создает комический эффект. Москвин приводит следующий пример: *Это конгениально, – сообщил Остап*, где комический эффект достигается благодаря замене слова *гениально* на *конгениально*, значение которого («близкий по уму») не соответствует контексту). Созвучные слова из разных языков, используемые в межъязыковых каламбурах, ни в одном из отобранных примеров не являются однокоренными, вследствие чего не представляется возможным обнаружить применение данной тактики создания межъязыковых каламбуров;

в) текста (травестирирование). Данный прием также не был обнаружен, из чего следует, что использование иноязычных элементов в межъязыковых каламбурах ограничивается уровнем лексемы.

3. Объединение номинативных единиц:

а) двух, реже нескольких слов – общим звуковым фрагментом (фигура скорнения). Важно, что в данном случае речь идет именно о соединении начальной части одной основы с конечной частью другой: *What do you call a hairy angry bear? iFurioso!* (англ. *furry* ‘мохнатый’, *furios* ‘злой, гневный’ и исп. *oso* ‘медведь’; *What do the French call a really bad Thursday? A trajeudi!* (англ. *tragedy* ‘трагедия’ и фр. *jeudi* ‘четверг’). В целом данный прием во многом схож с уже упомянутой техникой параморфозы, однако принципиальное отличие заключается в том, что для скорнения необходимо именно соединение начальной части одной лексемы с конечной частью другой (ср. приводимый Москвиным пример *аромагия*). В то же время все межъязыковые каламбуры, так или иначе строящиеся на контаминации двух лексем, соответствуют именно последней схеме. В последнее время в работах отечественных и зарубежных исследователей все чаще встречается понятие «блендинг». Согласно О. А. Хрущевой, блендинг – это «самостоятельный способ словообразования, пограничный с аббревиацией и словосложением ввиду своих структурных особенностей, но обладающий специфическими чертами (намеренный характер словопроизводства, особая стилистическая окраска производных, окказиональный статус большинства производных единиц)» [Хрущева, 2009, с. 101]. Действительно, сложение каких-либо иных компонентов слова (например, морфем), а не основ, не приведет к созданию межъязыкового неологизма, находящегося в центре подобных каламбуров, поскольку отдельные морфемы одного языка, соединенные с основой слова другого, представляются слишком сложными для изолированного восприятия вне контекста своего «родного» языка;

б) ряда семантически разнородных или даже несовместимых контекстов – общим словом, либо полисемичным, либо имеющим омонимы (каламбурная зевгма). Очевидно, что полисемия – черта одной конкретной лексемы, что противоречит сути межъязыковых каламбуров, в которых по определению должны участвовать два и более слова различных языков. Исходя из этого, подобных каламбуров также обнаружено не было.

4. Перестановка речевых элементов, в частности:

а) частей слова (фигура вращения слова) (ср. *Мыслящий инако*);

б) частей близлежащих или контактирующих слов (метатезное словообразование): *Это настрадал еще Предсказамус*;

в) близлежащих или контактирующих слов с их переосмыслением (так называемый хиастический каламбур). Не отрицается возможность создания подобного типа межъязыковых каламбуров. Путем перестановки одной части лексемы вероятно экспликация омонима из другого языка, что приведет к столкновению смыслов, однако примеров построения межъязыковых каламбуров путем перестановки речевых элементов на данном этапе исследования обнаружено не было.

5. Контекстуализация – расширение многозначного (семантически производного) либо имеющего омонимы выражения:

а) исключаящее либо затрудняющее его однозначное истолкование (дилогия): *German sausages are the Wurst* (нем. *Wurst* ‘мясное изделие, колбаса’). Каламбур строится на том, что *Wurst* является омонимом английского слова *worst* ‘худший’, вследствие чего возможно двойная интерпретация данного предложения: «Немецкие сардельки – худшие» и «Немецкие сардельки – Wurst». Нецелесообразно рассматривать непосредственно многозначность одного слова (тогда каламбур потерял бы свою «многоязыковую» характеристику, поскольку полисемия является характеристикой слова в своем родном языке). Предыдущие примеры демонстрируют, что употребление как межъязыковых неологизмов, образованных путем

блендинга, так и омонимов зачастую требует определенной степени контекстуализации, например, вопроса в начале (ср. пример *trajeudi*). Причиной является тот факт, что контекст может являться, согласно терминологии Виноградова, катализатором, который может быть частично или полностью имплицитным (так, в примере *trajeudi* эксплицитным катализатором является только *Thursday*, в то время как *tragedy*, также необходимый компонент для успешной активизации каламбура, реферируется лишь с помощью а *really bad Thursday*).

Прием контекстуализации также лежит в основе гетерограммы, игрового жанра, основанного на «пересегментации» речи [Зубова, 2000, с. 88]:

– в слитной записи (ср. *Тыведьмадоннароза*);

– в записи с перестановкой пробелов.

Межъязыковых каламбуров, основанных на подобной модели, также обнаружено не было. Это объясняется довольно высокой сложностью создания каламбуров подобного типа в пределах одного языка, поскольку автору необходимо, используя одни и те же фонетические средства и не изменяя их порядка, создать два грамматически верных высказывания. В то же время не отрицается сама возможность создать межъязыковой каламбур по данной модели;

б) возвращающее выражению исходный смысл;

в) конфликтующее с его внутренней формой (ср. *Это уже девятая «правая рука» Хаттаба, уничтоженная за текущий год*).

Последние две модели основываются на обыгрывании многозначности слов, что невозможно в условиях межъязыкового каламбура.

6. Переосмысление на основе ассоциаций по близкозвучию и равнозвучию:

а) части либо ряда частей слова (метанализ): *Секси MANuЯ* (англ. *man* ‘мужчина’ и рус. *мания*); *Whoever let this [изображенный в меме поезд] sit out and rust over probably had a crazy reason for doing it. You know, a LOCOmotive... (locomotive ‘локомотив’ и исп. loco ‘безумный, сумасшедший’)*;

б) слова (ложноэтимологическое переосмысление): *What if soy milk is just regular milk introducing itself in Spanish?* (англ. *soy* ‘соевый’ и исп. *soy* (форма первого лица единственного числа глагола *ser* ‘быть’)). Согласно нормам испанского языка, человек может представиться, сказав *Soy Juan* – ‘Я Хуан’); *Шорты – это тунга итанишки-коротышки* (англ. *short* ‘короткий’ и рус. ‘шорты’. Отметим, что, несмотря на распространенность использования слова *шорт* в составных словах, например шорт-лист, шорт-продажи, в словарях русского языка лексема *шорт* в значении ‘короткий’ отсутствует). Анализ примеров показывает, что переосмысление семантики слова-катализатора является весьма частотной тактикой, используемой при создании межъязыкового каламбура. Действительно, как отмечает Дирк Делабатиста: «Если нормальная, т. е. монолингвальная игра слов проливает свет на степень не-изоморфизма между формами и значением в рамках одного языка, то межъязыковая игра слова подтверждает тот факт, что формы и значения в языке ведут себя так же безответственно и за рубежом»² [Delabatista, 1993, p. 155]. Однако в то время как игра слов в пределах одного языка позволяет «вскрыть» этимологию той или иной лексемы благодаря переосмыслению в ходе разложения этой лексемы на составные части и столкновения их друг с другом (разумеется, не во всех случаях, но ср. *Право, славное дело!*), то в случае межъязыковой игры слов об этимологическом родстве речи быть не может.

Таким образом, межъязыковые каламбуры представляют собой особый класс игры слов с рядом характеристик, отличающих их от одноязыковых каламбуров.

Во-первых, многие одноязыковые каламбуры строятся на обыгрывании полисемии одного и то же слова, но данная модель является «закрытой» для каламбу-

² Перевод наш.

ров межъязыковых, поскольку полисемия – особенность лексемы именно в контексте ее родного языка.

Во-вторых, подавляющее число каламбуров строится путем скорнения, сращения или блендинга. Это можно объяснить тем, что авторы межъязыковых каламбуров находят в лексемах родного языка фрагменты, которые являются также и омонимами лексем из других языков. Изменения, приводящие к образованию неологизмов, позволяют эксплицировать омонимичные элементы, упрощая понимание межъязыкового каламбура для реципиента. Кроме того, контекстуализация также играет большую роль при создании межъязыкового каламбура, поскольку изолированный бленд-неологизм имеет малую вероятность создать комический эффект для читателя. Контекстуализация может быть обозначена как вербально, так и невербально – последнее является характерной чертой феномена, в рамках которого проводится исследование (интернет-коммуникация) и материала (креолизованных образований – мемов в интернет-средствах коммуникации).

Полученные данные позволяют заявить о необходимости создания отдельной классификации межъязыковых каламбуров, которая систематизировала бы особенности, отличающие данный вид игры слов от одноязыковых каламбуров. В ходе анализа материала были выделены следующие специфичные характеристики, позволяющие осуществлять категоризацию межъязыковых каламбуров:

Базовый язык каламбура (язык, на котором составлен каламбур, включающий иноязычные элементы). Подавляющее большинство рассмотренных языковых единиц были составлены на английском языке (79 случаев). В качестве других базовых языков выступили: испанский (6), французский (3), русский (2), хинди (4), немецкий (3), финский (3)

Подобная представленность этих языков объясняется доминирующей позицией английского языка как средства международного общения. Кроме того, основным языком сайта 9gag.com также является английский, что в той или иной мере побуждает неанглоязычных пользователей создавать контент именно на английском языке с целью найти больший отклик у аудитории.

Наличие языкового маркера. Под языковым маркером в данном исследовании понимается указание / упоминание языка, лексема которого участвует в межъязыковой игре слов, или, другими словами, метадискурсивный комментарий. К примеру, *Why does the French order 1 egg for breakfast? Because one egg is un oeuf* (обыгрывание схожего звучание англ. *Enough* ‘достаточно’ и фр. *un oeuf* ‘яйцо’, возможный перевод данного каламбура, теряющий игру слов, – ‘Почему француз заказал одно яйцо? Потому что одно яйцо – это достаточно / одно яйцо’); *I ate ice cream in Germany which is ‘n Eis* (англ. *nice* ‘хорошо, неплохо’ и *’n* [усеченная разговорная форма неопределенного артикля *ein*] *Eis*. Примечательно, что в последнем каламбуре фактически отсутствует слово *nice*, на обыгрывании созвучия с которым и строится игра слов, она выражена имплицитно, поскольку данный каламбур употреблен в составе мема *I... which is nice*. Подобное «слияние» двух лексем в одну приводит к амбивалентному характеру высказывания. Кроме того, необходимо отметить, что креолизация позволяет выразить языковой маркер как вербально, указав на страну или язык, либо невербально (с помощью изображения флага, атрибутики страны). Вербальный языковой маркер был обнаружен в 27 случаях, невербальный – в 13. Частотная наблюдаемость данного компонента межъязыкового каламбура позволяет сделать вывод о весьма высокой степени важности для актуализации юмористического эффекта.

Каламбуры, актуализация иноязычной лексемы в которых возможна лишь основываясь на **графической омонимии диаморфов**. Например: *German sausages are the Wurst*. В данном случае немецкое слово *Wurst*, семантика которого соотносится с английским *sausages*, по правилам немецкого языка имеет произношение */vʊʁst/*, в то время как английское *worst*, подразумевающееся в данном каламбуре,

произносится как /wɜːst/. По правилам английского языка *Wurst* имело бы идентичную фонетическую оформленность /wɜːst/. Другим, более наглядным примером является *I told my Japanese GF to shine – she killed herself*. Как и предыдущий каламбур, его актуализация игнорирует изначальное японское произношение глагола *死ぬ* (повелительное наклонение глагола *死ぬ* ‘умирать’). Японское произношение /*ɕine*⁶/ не совпадает с английским произношением глагола *to shine* – /ʃaɪn/. Таким образом, функционирование данного каламбура реализуется на уровне графики.

Подобным образом, можно выделить межъязыковые каламбуры, построенные на **фонетических диаморфах**, т. е. созвучие, несмотря на различное написание.

По количеству используемых языков. Межъязыковые каламбуры можно разделить на двухязыковые (билингвальные), трехязыковые, квадраязыковые и т. д., в зависимости от количества языков, задействованных в игре слов. Теоретически количество языков, участвующих в игровом взаимодействии в рамках высказывания, ограничено лишь количеством реально существующих, однако, как показывает практика, подавляющее число межъязыковых каламбуров относится к билингвальным.

Можно разграничивать каламбуры, в которых наблюдается смешение нескольких семиотических систем, или **полиграфические** каламбуры. Нередки подобные каламбуры, в которых базовый язык русский, например: *СексиМан’и’я* (название средства контрацепции).

По наличию или отсутствию блендинга можно разделить межъязыковые каламбуры на **бленды** и «**чистые**» соответственно. Пример последнего: *The French are so hardcore they eat pain for breakfast*. Фр. *Pain* ‘хлеб’ является графическим диаморфом англ. *pain* ‘боль’.

Остальные структурные особенности учтены в классификации, В. П. Москвина, за исключением ряда категорий, затрагивающих полисемию, реализация которой не представляется возможной в контексте межъязыковой игры слов.

Таким образом, межъязыковые каламбуры представляют собой отдельный класс игры слов, обладающий рядом характеристик, обусловленных их полилингвальной природой. Использование разноуровневых элементов двух и более языков обуславливает наличие категориальных особенностей, неучтенных в рамках традиционных исследований одноязыковой игры слов. На основании вышеизложенного видится актуальным дальнейшее рассмотрение структурных и лексических особенностей межъязыковых каламбуров на материале других дискурсов с целью расширения и уточнения классификации непосредственно межъязыковых каламбуров и, в перспективе, создание обобщающей системы классификации различных видов игры слов, которая учитывала бы как одноязыковые, так и межъязыковые каламбуры.

Список литературы

- Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы: Учеб. пособие. М.: Кн. дом «Университет», 2004. 204 с.
- Джанумов А. С. Каламбур и его функционирование в двуязычной ситуации (англо-русские соответствия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993.
- Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
- Москвин В. П. Каламбур: приемы создания и языковая основа // Русская речь. 2011. № 3. С. 35–42.
- Хрущева О. А. Блендинг в системе словообразования // Вестн. ОГУ. 2009. № 11(105). С. 95–101.

Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Межъязыковой каламбур в русских анекдотах. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегод. междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 25–29 мая 2011 г. М.: РГГУ, 2011. Вып. 10 (17). С. 782–789.

Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-fenomen-internet-kommunikatsii> (дата обращения 22.01.2018).

Delabattista D. *There's a Double Tongue: An Investigation into the Translation of Shakespeare's Wordplay, with Special Reference to Hamlet*. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 1993.

Haugen E. The analysis of linguistic borrowing // *Language*. 1950. Vol. 26. No. 2. P. 210–231.

Smith C. *The Rediscovery of Man*. Framingham, MA: The NESFA Press, 1993.

Wordplay and Metalinguistic/Metadiscursive Reflection: Authors, Contexts, Techniques, and Meta-Reflection / Ed. by A. Zirker, E. Winter-Froemel. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2015. (The Dynamics of Wordplay; Vol. 1)

S. S. Medvedev ¹, A. G. Fomin ²

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ *smedvedev08@mail.ru*, ² *andfomin67@mail.ru*

To the status of interlingual puns

The paper examines the structural characteristics of bilingual puns, a specific type of wordplay. Internet memes, containing bilingual puns as part of the verbal component from 9gag.com were studied. The authors provide an overview of works dedicated to bilingual puns. It was found that foreign researchers use the term “bilingual pun” more often than “interlingual puns.” However, the presence of puns, with the wordplay based on homonymic lexemes taken from three or more languages, makes a case for using the term “interlingual pun.” A number of scholars, including the Russian ones, do not differentiate interlingual puns from interlingual paronomasia or faux amis and pseudo-international words although the latter three are means of creating an interlingual pun, a complex configuration, deciphering and analyzing of which requires certain cognitive efforts. The research aims at examining the structural features of interlingual puns due to their interlingual origin. In order to fulfil this task, the authors utilize V. P. Moskvina's classification based on strategies and tactics used in making puns. The following characteristics, not taken into account in Moskvina's system, were found: base language, the linguistic marker, graphical diamorph, phonetic diamorph, the number of languages used in wordplay, mixed graphics, blends and pure puns. To conclude, the interlingual puns are a separate type of wordplay, possessing several features contingent on their interlingual origin. Since these puns use multilevel elements of two or more languages within one syntagmatic entity, the interlingual puns are found to be a unique type of wordplay. Thus, the authors suggest that it is necessary to create a classification model that could take into account all the features discussed.

Keywords: pun, interlingual pun, homonyms, paronomasia, wordplay, creolization.

DOI 10.17223/18137083/68/21

References

Dawkins R. *Egoistichnyy gen* [The selfish gene]. Moscow, Mir, 1993.

Delabattista D. *There's a double tongue: an investigation into the translation of Shakespeare's wordplay, with special reference to Hamlet*. Amsterdam, Atlanta, Rodopi, 1993.

Dzhanumov A. S. *Kalambur i ego funktsionirovaniye v dvyazychnoy situatsii (anglo-russkiye sootvetstviya)* [Pun and its function in a bilingual situation (English-Russian correspondences)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1997.

- Haugen E. The analysis of linguistic borrowing. *Language*. 1950, vol. 26, no. 2, pp. 210–231.
- Khruscheva O. A. Blending v sisteme slovoobrazovaniya [Blending in the system of word formation]. *Vestnik of OSU*. 2009, no. 11 (105), pp. 95–101.
- Moskvin V. P. Kalambur: priemy sozdaniya i yazykovaya osnova [Pun: creation techniques and language base]. *Russkaya rech'*. 2011, no. 3, pp. 35–42
- Shchurina Yu. V. Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii [Internet memes as a phenomenon of Internet communication]. *Nauchnyy dialog*. 2012, no. 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kakfenomen-internet-kommunikatsii> (accessed 22.01.2018).
- Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Mezh'yazykovoy kalambur v russkikh anekdotakh* [Interlingual pun in Russian jokes]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: Po materialam ezhegod. mezhdunar. konf. "Dialog," Bekasovo, 25–29 maya 2011 g. Vyp. 10 (17)* [Computer linguistics and intellectual technologies: Materials of annual intern. sci. conf. "Dialogue," Bekasovo, May 25–29, 2011]. Moscow, RSUH, 2011, iss. 10 (17), pp. 782–789.
- Smith C. *The rediscovery of man*. Framingham, MA, The NESFA Press, 1993.
- Vinogradov V. S. *Perevod. Obschie i leksicheskie voprosy: Ucheb. posobiye* [Translation. General and lexical issues: Textbook]. Moscow, Kn. dom "Universitet", 2004, 204 p.
- Wordplay and metalinguistic / metadiscursive reflection: authors, contexts, techniques, and meta-reflection*. A. Zirker, E. Winter-Froemel (Eds). Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2015. (The dynamics of wordplay; Vol. 1)
- Zubova L. V. *Sovremennaya russkaya poeziya v kontekste istorii yazyka* [Contemporary Russian poetry in the context of language history]. Moscow, 2000.